

возможным говорить о метафорической концепции человека [7]. Религиозное творчество – это процесс создания человеком сверхметафоры, проявление своей божественной природы.

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М. : Искусство. 1994. С. 37–342.
2. Пивоваров Д. В. Онтология религии: основные понятия и принципы. СПб. : Алетеия. 2017.
3. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи / пер. с нем. и пред. С. Л. Франка. СПб. : АО «АЛТЕИЯ». 1994.
4. Вайман С. Т. Неевклидова поэтика. Работы разных лет. М. : Наука. 2001.
5. Stoletov A. I. Social Creativity and Phenomenon of Success in Postindustrial Society // Creativity Studies. Vol. 9. Issue 2. 2016. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.3846/23450479.2016.1223765>
6. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York : Basic Books. 1999.
7. Stoletov A. I., Lukmanova R. Kh. Metaphor as a Symbol of Contemporary Man // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Conference Proceedings. Aug 24–31, 2016. Book 3. Vol. 2. P. 717–722.

Федоровских А. А.

ИСТОЧНИК И ОБОСНОВАНИЕ ВЛАСТИ: ДУХОВНЫЙ (САКРАЛЬНЫЙ) АВТОРИТЕТ ИЛИ СВЕТСКОЕ (МИРСКОЕ) ГОСПОДСТВО

Аннотация. В данной работе исследуются два источника и способа обоснования власти – духовный авторитет и светское господство, которые позволяют не только практически описать, но и понять сложный и неоднозначный социально-политический феномен власти, а также осмыслить тенденции применения техник властвования (в форме господства) в современном мире.

Ключевые слова: авторитет, власть, господство, сакральное (священное), мирское (светское), профанное.

Прежде чем приступить собственно к исследованию предложенной темы, необходимо пояснить, что изучение сложного, неоднозначного и эзотерического понятия власти не входит в цель данной работы потому, что это тема отдельного большого исследования. Некоторые аспекты власти как понятия и феномена были проанализированы мной в статье «Власть: аналитика понятия и феномена» [1]. Источники власти, которые можно описать с помощью аналитических и синтетических процедур и/или феноменологических операций, можно свести к двум основным категориям: духовному (священному, сакральному) авторитету и светскому (мирскому) господству. Эти две категории, хотя пересекаются и взаимосвязаны, сущностно различны, описывают разные свойства и дают отличающиеся характеристики, как самой власти, так и всем явлениям с ней связанным.

Авторитет (от латинского *auctoritas* – власть, влияние, сила, достоинство) – это понятие, при всех возможных интерпретациях и определениях, все равно сохраняет главную свою характеристику: «...1) общепризнанное значение, влияние; 2) тот, кто пользуется общим признанием, влиянием» [2, с. 17]. Политологический подход позволяет сделать уточнение (и это важно отметить для раскрытия темы данной работы), что авторитет предполагает неформальность влияния и добровольность подчинения, что составляет существенную особенность управления и осуществления властных функций и полномочий [3, с. 8–9]. Авторитет власти, во-первых, позволяет реализовывать действия и осуществлять деятельность, не прибегая к насилию и силовым санкциям, во-вторых, создает и сохраняет легитимность властных государственных институтов, что увеличивает эффективность власти, ее устойчивость и стабильность. В рамках социологии также фиксируется необходимость признания авторитета и его влияния на положение дел, и особо отмечается связь и сходство авторитета с понятиями статуса, престижа и лидерства [4, с. 5]. Авторитет и как понятие, и как феномен, изначально был связан с духовным миром, и сами его истоки, и его происхождение указывают на сферу сакрального. Выдающийся французский философ-традиционалист Рене Генон в своей работе «Духовное владычество и мирская власть» («*Autorite Spirituelle et Pouvoir Temporel*»), которая является одной из основных книг по заявленной теме исследования, в главе II «Функции священства и царства» четко разделяет уже на уровне используемых слов духовную составляющую власти и мирскую, материальную: для первой он использует понятие «*autorite*», которому переводчик подобрал русский эквивалент – «владычество» [5, с. 26]. Но не менее точным и близким по смыслу является понятие «авторитет» (что даже заметно по написанию и произношению слова). Авторитет не может быть связан с насилием, угрозой применения силы и реализации силового воздействия, с материальными ресурсами, с господством и мирской властью. Следовательно, наиболее точным будет употребление этого слова в сочетании с понятиями, описывающими нематериальную

сферу: духовный, сакральный, священный авторитет. Духовный авторитет, который является внутренним по своей сути, обосновывается и утверждается через самого себя [5, с. 26]. И если источником власти является духовный (сакральный) авторитет, то он имеет конкретное воплощение: вождь (лидер), священник (первосвященник), пророк, законодатель, судья, царь, император. А также признается превосходство (часто используемое слово «верховенство» не совсем точно) сакрального (священного) над светским (мирским). На это указывает Рене Генон в уже упомянутой работе «Духовное владычество и мирская власть»: «...учения всех традиционных доктрин единодушны в утверждении верховенства духовного над мирским и в признании нормальной и легитимной только такой социальной организации, в которой это верховенство признается и получает выражение в соотношении двух властей, соответствующих двум этим областям» [5, с. 99]. Таким образом, духовный авторитет является абсолютным, высшим, безусловным, непреложным основанием и источником власти. Следовательно, обоснование власти также покоится на духовном авторитете. Выделим два основных варианта такого обоснования. Во-первых, сочетание в одном лице духовного (сакрального) авторитета и мирской (светской власти) – вождь, священник-царь. (В Священном Писании это, например, Моисей и таинственная фигура Мелхиседека). Во-вторых, разделение функций царя (императора) и священника между разными людьми, но при выполнении обязательного условия: царь (император) посредством особых священнодействий получал от священника особое духовное посвящение, которое на мирском уровне трансформировалось в легитимность и могущество необходимое для правильного (справедливого) исполнения прав и обязанностей монарха. Это особое духовное посвящение нельзя было передать по наследству и, соответственно, последующие цари (императоры) могли приобрести легитимность только таким же способом, как и их предшественники. Если соблюдалось данное незыблемое правило, то это сохраняло монархию, если нарушалось, то с неизбежностью приводило к падению монархии. Указанное обстоятельство исследовали Рене Генон в работе «Духовное владычество и мирская власть» [5] и выдающийся историк Эрнст Канторович в книге «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии» [6]. Так как подробный анализ данной проблемы выходит за рамки заявленной темы исследования, я укажу лишь на два важнейших аспекта, которые позволят понять суть этого вопроса. Во-первых, власть, которая изначально едина по своей сущности и как феномен, распадается и разделяется на власть сакральную (священную) и власть царскую (в последующем процессе профанации – власть мирскую, светскую, которая в свою очередь разделяется на исполнительную, законодательную и судебную, и этот процесс деградации продолжается), и начинается противостояние двух властей – духовной и светской. Во-вторых, цари (императоры) начинают отрицать зависимость своей легитимации от священства и оспаривать иерархическую субординацию по отношению к духовному авторитету; первосвященники, в свою очередь, вторгаются в сферу материального и начинают претендовать на осуществление политико-административных функций. (В христианской православной традиции взаимодействия церкви и государства была более или менее успешно реализована концепция «симфонии властей», которая была направлена именно на преодоление противостояния двух властей, и имела богословское, юридическое и политическое обоснование).

Господство – это светский (мирской) аналог сакрального (духовного) авторитета. Но это не только качественно иное нечто, претендующее на соответствие, но еще и сущностно иное. Господство относится к сфере материального, земного, конечного. Господство осуществляется в десакрализованном мире нерелигиозных людей, формируясь на противопоставлении и, по сути, отрицании духовного (священного) авторитета. Философ и религиовед Мирча Элиаде в работе «Священное и мирское» (иной вариант перевода: «Сакральное и профаническое») так описывает эту реальность: «Современный нерелигиозный человек принимает для себя новую ситуацию существования: он считает себя единственным субъектом и объектом Истории и отрицает всякое обращение в Всевышнему. ...Нерелигиозный человек сформировался в противопоставлении своему предшественнику, стремясь “вытравить” из себя всякую религиозность, всякие сверхчеловеческие значимости. ... Он весь состоит из серии отрицаний и отказов, но его все еще преследуют реальности, от которых он отрекся» [7, с. 126–127]. Господство часто маскируется, используя авторитет как своеобразную маску. (На использование масок указывает современный российский ученый И. А. Исаев: «Господство существует в мире символов, поэтому маска – его излюбленный атрибут» [8, с. 348]). В определении господства, данным выдающимся немецким социологом Максом Вебером, авторитет упомянут как синоним господства: «“Господство”, согласно определения, означает вероятность того, что специфические (или все) приказания встретят повиновение у определенной группы людей; стало быть не всякий вид вероятности использовать “власть” и “влияние” над другими людьми. Господство (“авторитет”) в этом смысле может в каждом отдельном случае покоиться на самых различных мотивах повиновения: начиная с тупой привычки и кончая чисто целе-рациональными соображениями» [9, с. 134–135]. Светское (мирское) господство целенаправленно пытается заимствовать у духовного (сакрального) авторитета важнейший атрибут – добровольность подчинения (повиновения), что в перспективе делает господство всеобщим и максимально долгосрочным механизмом властвования. Это происходит в силу того, что мирское господство стремится к тотальному подчинению и распространению господства во все сферы жизни и деятельности человека и общества, а также к покорению природы. Использование маски духовного авторитета позволяет светскому (мирскому)

господству претендовать на сакральность и всеобъемлющее могущество. Российский правовед и политолог И. А. Исаев констатирует: «Господство всегда предполагает рабство, или полное ему подчинение, однако подвластные готовы на это не только из-за страха перед карами и насилием, но и по привычке и инерции, более того, даже в силу пробуждающейся у них веры в само господство и любви к нему. ... Иерофаническое явление господства в мир представляется всегда и без исключения неким сакральным актом, священнодействием неких высших сил» [8, с. 346–347]. Также на наличие господина обращает внимание выдающийся французский социолог и политический философ Раймон Арон, когда анализирует и комментирует Макса Вебера: «“Господство” (Herrschaft) обусловлено наличием “господина” (Herr). При этом есть шанс, что господин может рассчитывать на подчинение тех, кто теоретически должен ему повиноваться» [10, с. 550]. (Еще раньше данный аспект проанализировал немецкий философ Г. В. Ф. Гегель в своем исследовании по диалектике власти – отношение «господин – раб»). Светское (мирское) господство как обоснование власти может опираться на закон и/или насилие. Абсолютизация закона является следствием профанации духовного (сакрального) авторитета. На это указывает Эрнст Канторович: «Юриспруденция теперь ощущала себя призванной создать свою собственную, секуляризованную духовность» [6, с. 175], и И. А. Исаев: «XVIII век изобрел символ “правового государства”, отдав предпочтение господству безликого закона перед персонализированным господством “священного монарха”; сакральный характер самого господства от этого вовсе не исчез, но лишь трансформировался в идею легитимности» [8, с. 348]. Но светское господство нуждается именно в абсолютизации закона, так как претендует стать легитимным (законным) господством. Такое господство нуждается в праве и правосознании в связи с притязанием механизма осуществления властвования на законность (в форме особых социальных институтов); в системе разделения властей; в разделении социальных страт и групп на господствующие и подчиненные, с социальной дистанцией и иерархией между ними; в создании особого административного аппарата управления, обеспечивающего исполнение приказов и предписаний [4, с. 44–45]. Неизбежным следствием светского (мирского) господства как источника власти и способа обоснования власти является легитимное насилие. В современном мире оно опирается не только и не столько на закон и аппарат принуждения (полиция, армия, специальные службы), сколько на манипулятивные демократические процедуры (этот аспект хорошо исследован в книге Филиппа Манова «В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства» [11]); а также на массовые движения; на институты, участвующие в процессе социализации индивидов; на средства массовой информации и коммуникации; на институты, формирующие искусственные потребности, моду, образцы поведения, создающие нормы и задающие стандарты. Это все инструменты или элементы системы мягкого легитимного насилия – *soft legitimate power* (*soft legal power*). Светское (мирское) господство старается избегать применения прямого насилия, заменяя его скрытыми и изощренными техниками психологического и информационно-коммуникационного манипулирования.

Библиографический список:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М. : Издательская группа «Прогресс» – «Политика». 1992. 608 с.
2. Вебер М. Типы господства // Зомбарт Вернер. Социология / пер. с нем. Изд. 2-е, стереотипное. М. : Едиториал УРСС. 2003. 144 с.
3. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть = *Autorite Spirituelle et Pouvoir Temporel* / Рене Генон: к пониманию одного сложного человека = *Rene Guenon: Approche d'un homme complexe* / Жан Урсен; пер. с фр. Н. Тирос. М. : Беловодье. 2012. 208 с.
4. Исаев И. А. Господство: Очерки политической философии. М. : Норма. 2013. 352 с.
5. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. 2-е, исправленное / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. М. : Изд-во Института Гайдара. 2015. 752 с.
6. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М. : Политиздат. 1989. 479 с.
7. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / пер. с англ. А. Яковлева. М. : Изд-во Института Гайдара. 2014. 176 с.
8. Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. М. : О-во «Знание» России. 1993. 168 с.
9. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. СПб. : «Дуэт». 1994. 752 с.
10. Федоровских А. А. Власть: аналитика понятия и феномена // Вопросы управления. 2015. № 3 (15) июнь. С. 23–32.
11. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М. : Изд-во МГУ. 1994. 144 с.